

В некотором смысле Князь Юй был человеком несерьёзным, но в одном он оказался абсолютно прав: исход битвы между Императорской гвардией и мятежниками ещё не ясен, однако здесь, в этом зале, нас двое против одного Шэн Дайчуаня — победа обеспечена.

Шэн Дайчуань не продержался и двадцати ударов, прежде чем мой меч оказался у его горла, лишив его возможности пошевелиться. Честно говоря, победа не должна была даваться так легко, но Князь Юй оказался отличным союзником. Он не лез в драку, а лишь внимательно наблюдал со стороны, и стоило Шэн Дайчуаню попытаться вырваться, как в тот же миг в него летели железные шарики. Шэн Дайчуань не мог ни победить, ни отступить, и вскоре, раздражённый и поспешный, допустил оплошность, позволив мне приставить меч к шее.

Я уже собирался нанести смертельный удар, как вдруг раздался резкий окрик: «Стой!»

Меч дрогнул в моей руке. Я обернулся и увидел, как Государь, наклонившись вперёд, вытянул шею, лицо его выражало тревогу. «Довольно, — сказал он. — Я вижу, что он уже побеждён. Лучше взять его под стражу, а уж потом решать его судьбу». Закончив, он перевёл взгляд на Се Цзина, и его лицо, на котором сменялись разные эмоции, наконец застыло в бледно-серой маске разочарования.

После всей этой суматохи лицо Государя покраснело, а затем побледнело, тогда как лицо Се Цзина постепенно порозовело — быстрее, чем если бы он принял противоядие.

Эх, эти двое, такие упрямые и сложные, зачем они так мучают себя?

Пленника заставили встать на колени, и мы прождали ещё немало, но Командующий Су всё не возвращался. Государь махнул рукой, и в зал, неся чайные подносы, вошли двумя шеренгами служанки в розовых одеждах. Каждый чиновник получил чашку чая, включая стоявшего на коленях Шэн Дайчуаня. Государь улыбнулся: «Господа, вы не против немного задержаться на утреннем собрании?»

Едва он закончил, как со всех сторон послышались заверения, что никто не против, и зал наполнился тонким ароматом чая.

Чай пили чашку за чашкой. Когда третья чашка опустела, в дверях зала повеяло холодным ветром, несущим запах крови. Все встали на цыпочки, с нетерпением глядя на вход. Первым делом взорам предстала рука, безвольно свисавшая в воздухе. Затем в зал, шатаясь, вошёл человек в серебряных доспехах, наполовину неся, наполовину волоча тело Командующего Су. Рука принадлежала ему.

Человек в серебряных доспехах вытер с лица кровь, размазанную дождём, и опустился на одно колено, не отпуская Командующего Су. «Ваше Величество, — доложил он, — враг полностью уничтожен».

Я смотрел на коленопреклонённого в серебряных доспехах, и глаза мои вдруг наполнились слезами. Генерал Вэнь Чэ, мой бывший непосредственный начальник. В год смерти Князя Ци он ушёл в отставку и вернулся домой, и с тех пор прошло не меньше пяти-шести лет. Я и не думал, что когда-нибудь снова увижу его живым, да ещё и в доспехах. Государь действительно умеет устраивать сюрпризы.

Тяжело раненного Командующего Су унесли. Позже я узнал от него, что Шэн Дайчуань с самого начала мне солгал. В городе действительно было спрятано десять тысяч человек, но за его стенами было не двадцать, а пятьдесят тысяч. Едва Командующий Су вывел войска за город, как попал в окружение, и только благодаря Вэнь Чэ, подоспевшему в самый

критический момент, ему удалось выжить.

Вэнь Чэ вызвали потому, что сейчас он не занимал официальной должности, имея при себе лишь половину тигриного талисмана для управления войсками.

Вэнь Чэ, волоча раненую ногу, подобрался к Шэн Дайчуаню. В глазах его читалась насмешка. «Когда я был Генералом Чжунью, ты ещё на кухне дрова рубил, не так ли? За эти годы ты неплохо вырос, раз уж задумал мятеж. Ну что, Шэн Дайчуань, когда я стал Генералом Аньбэй, это было по милости Князя Ци. Я же привёз его тело обратно. Если в этом деле и есть что-то подозрительное, то уж точно не тебе об этом судить!»

Так и закончился этот фарс, завершившись, к общему облегчению, благополучно. Несколько крупных фигур, замешанных с Шэн Дайчуанем в заговоре, были арестованы, а те, кто в тронном зале вёл себя подозрительно, получили по заслугам. Я убрал меч и стал ждать, когда Евнух Хай объявит об окончании собрания.

Однако, как говорится, без драмы фарс неполон, и драма разразилась как раз в момент всеобщего ликования. Пока все, опустив головы, кричали «Десять тысяч лет!», Шэн Дайчуань выскользнул из рукава маленький арбалет и выпустил в меня три стрелы подряд. Первые две я сумел уклониться, пригнувшись, но третья летела под коварным углом. Чтобы избежать её полностью, пришлось бы запрыгнуть на колонну или балку. Но позади меня стоял Ши Ичжи, и если бы я прыгнул, стрела угодила бы в него, превратив моего друга в подобие ежа.

Поэтому я лишь слегка повернулся, позволив стреле, нацеленной в сердце, вонзиться мне в руку. Но я не ожидал, что Ши Ичжи, не обученный боевым искусствам, среагирует так быстро. В мгновение ока он протянул руку, чтобы прикрыть меня, и затем...

Стрела пронзила ладонь Ши Ичжи насквозь, намертво пригвоздив его руку к моей.

«Ух...» — это был я.

«А-а-а!» — это был Ши Ичжи.

«И-и-их...» — это ахнули чиновники.

В следующее мгновение я другой рукой подхватил Ши Ичжи, чувствуя себя совершенно безнадежным. «Стрела в руке, не умрешь...»

Ши Ичжи, скрипя зубами от боли, простонал: «Кто бы мог подумать, что ты не станешь уворачиваться...» Губы его начали синеть. Я, покачивая головой, не решался вытащить стрелу, боясь причинить ему ещё больше боли. «Чёрт, — выдохнул я. — Опять яд...»

Ши Ичжи потерял сознание у меня на руках. Меня же несколько евнухов отвели в резиденцию генерала. В глазах уже двоилось, но я изо всех сил держался, ноги были ватными. В резиденции меня встретил придворный лекарь, который велел слугам сначала переломить стрелу посередине. Как только мы с Ши Ичжи, словно сросшиеся близнецы, разъединились, нас разнесли по разным комнатам для лечения. Стрелу мне вытаскивал опытный врач. Извинившись, он быстрым и точным движением выдернул её. Боль была невыносимой, я обливался потом, но всё равно беспокойно поглядывал в щель двери в комнату Ши Ичжи. Там молодой врач аккуратно посыпал его ладонь обезболивающим порошком. ...Ага, понятно. Знаменитое разное обращение.

Я продержался около часа, но силы меня оставили. Тяжело дыша, я прислонился к изголовью

кровати. К счастью, Министерство наказаний действовало быстро, и, хотя не знаю, каким пыткам они подвергли Шэн Дайчуаня, противоядие доставили ещё до полудня. Его принёс Се Цзин, а вместе с ним вернул и ту пилюлю от яда, которую я оставил ему вчера.

Се Цзин сказал: «Я уже в порядке, так что этот драгоценный препарат лучше вернуть тебе. Ещё кое-что: Шэн Дайчуань признался, что из трёх стрел, выпущенных в тебя, отравлена была лишь одна — та, что целилась в сердце. Так что противоядие только одно, но вместе с твоей универсальной пилюлей этого должно хватить».

Я подумал, что, раз я разрушил все планы Шэн Дайчуаня, нет гарантии, что его противоядие настоящее. Поэтому решил принять его сам, а свою универсальную пилюлю скормить Ши Ичжи. Затем я послал гонца в дом Ши, чтобы успокоить его родителей.

Когда Се Цзин уходил, я даже не поднял головы, лишь кивнул. Подперев щеку рукой, я уселся у кровати Ши Ичжи в ожидании, когда он очнётся. Ждал я до самого вечера.

Когда Ши Ичжи открыл глаза, лицо его было бледным — видимо, яд ещё не полностью вывелся. Говорил он с трудом, лишь беззвучно открывая рот. Увидев это, я сам поднёс ухо к его губам. Ши Ичжи, подняв голову, прошептал, скользя кадыком: «Во-о-да...»

Я кивнул. «Хочешь воды?»

Ши Ичжи замер на мгновение, дыхание его участилось. «Кто... дал тебе противоядие?..»

Я ответил: «Один Божественный Лекарь. Говорит, нейтрализует любой яд. Я подумал, что дать его тебе будет безопаснее, чем то, что предоставил Шэн Дайчуань».

Лицо Ши Ичжи стало ещё бледнее. У этого парня вся ладонь была пробита, действие обезболивающего уже прошло, так что он, наверное, страдал от дикой боли. Судя по всему, он никогда в жизни не испытывал ничего подобного. «Твоё лекарство... настоящее?.. — прошептал он. — Мне кажется... противоядие Шэн Дайчуаня надёжнее...»

У меня перехватило дыхание, и в глазах снова поплыло. «Не может быть! Божественный Лекарь очень знаменит! Не станет же он портить свою репутацию и продавать подделку ради моих жалких денег!»

Ши Ичжи не ответил. Он начал закатывать глаза.

Я мгновенно запаниковал, схватил его за плечи и принялся трясти. «Ши Ичжи, очнись! Ты не должен умирать! Как я объясню твоим родителям, если с тобой что-то случится? Ши Ичжи! Ичжи! Ши Юньцин! Мой шурин!!!»

Ши Ичжи еле дышал. «Утром... почему ты не уклонился?..»

Я нахмурился так, что на лбу образовались три морщины. «Если бы я уклонился, что бы стало с тобой, мой дорогой Ши Ичжи? Ты такой нежный, что даже капля яда тебя так ранила. Если бы тебя пронзили насквозь, ты бы сразу отправился в следующий мир!»

Ши Ичжи перестал закатывать глаза, дыхание его выровнялось. Он перевернул руку и схватил меня за запястье. «Не тряси, — сказал он. — Кажется, противоядие начало действовать».

«...Ага».

Ши Ичжи был ранен в правую руку, которую забинтовали в несколько слоёв, словно медвежьей лапой, и сказали, что восемь дней нельзя мочить. Я же был ранен в левую руку, но мог спокойно накладывать еду и наливать воду, так что, естественно, обязанность заботиться о Ши Ичжи легла на меня.

<http://bllate.org/book/15934/1423920>